

РЕЦЕНЗИИ

William Wallace, Young Soogil (eds.), *Asia and Europe: Global Governance as a Challenge to Co-operation*, Council For Asia-Europe Cooperation, Tokyo, 2004, 190 p.

В начале XXI в. ключевую роль в формировании нового мирового порядка играют Соединенные Штаты как единственная в настоящее время мировая супердержава. К односторонним действиям Соединенных Штатов без особого восторга относятся другие важнейшие субъекты мировой системы, в том числе - подвергающиеся все более смелой критике международные организации, которые уже не один раз оказывались неспособными эффективно ответить на вызовы современного мира. Для Европы и Восточной Азии нерешенным по-прежнему остается вопрос, как и при помощи каких инструментов регулировать систему глобального управления, чтобы оказать максимальное воздействие на принятие решений по важнейшим мировым проблемам.

Такие вопросы наметил в своем исследовании *The Council for Asia-Europe Cooperation*, и ему удалось в рамках этого проекта собрать группу экспертов и подготовить интересную публикацию. Авторы представляют в работе свою оценку текущего состояния международных отношений, пытаясь выделить проблемы, имеющие особое значение для Европы и Азии, а также выдвинуть предложения по сотрудничеству между обоими регионами (в первую очередь на форуме АСЕМ), которые будут способствовать решению определенных проблем и укреплению позиции мультилатеральной системы *global governance*.

Понятие «мировое регулирование» (*global governance*) – для которого, кстати, трудно найти синонимическое название в

польском языке - обозначает «систему консультаций и сотрудничества между государствами (в первую очередь, самыми значительными), осуществляемых в целях сохранения глобального порядка, противодействия его дестабилизации, пропагандирования всеобщего благосостояния посредством согласованного управления открытой мировой экономикой, а также обращения внимания на решение сложнейших проблем глобальной справедливости» (С. 3). Основопологающими элементами мирового регулирования являются международные организации, многие из которых были образованы после второй мировой войны. Однако мир изменился с тех пор, а вместе с ним равновесие сил и миропорядок. После завершения холодной войны позиция Соединенных Штатов как супердержавы становится непоколебимой, а дееспособность и эффективность международных организаций в отношении мирорегулирования подвергаются размыванию.

Как подчеркивают авторы в первой части работы, основной дилеммой, которую приходится решать в Азии и Европе, является вопрос о том, как согласовать доминирующую позицию Соединенных Штатов с необходимостью функционирования мультилатеральной и основанной на определенных нормах структуры в рамках системы *global governance*? (С. 7). Нелегко ответить на этот вопрос, если принять во внимание характер глобальных вызовов, а также различия во взглядах между США и другими государствами относительно способов их разрешения. Это различие во взглядах зачастую влечет за собой пассивность мировых структур управления или нежелание действовать в интересах разрешения сложных глобальных проблем. Некоторые из них приводятся в главе, авторами которой являются Карл Кайзер и Уильям Уоллес: «слабые» государства, раздираемые внутренними конфликтами, в результате чего появляется в мире вопрос ответственности международной общественности за периферийные регионы; ограниченная степень согласованности в отношении политики экономического развития, которой сопутствует трудноразрешимый вопрос, волнующий развитие государства: как совместить интересы национальных производителей (земледельцев, традиционных отраслей промышленности) с постулатами бедных стран; сокращение эмиссии загрязнений; ограниченный доступ к природным ресурсам; большой демографический прирост в развивающихся странах, который может спровоцировать волну нелегальной эмиграции.

Откликаясь на вышеуказанные проблемы, можно прийти к выводу о кризисе системы мирового регулирования. Как утверждает Ватанабе Койи в главе *Lesson from the Iraq War*, ООН не справилась с фундаментальными мировыми вызовами, которые появились после 11 сентября 2001 г., такими, как распространение оружия массового поражения, терроризм и проблема *roque states* (С. 30). Это привело к односторонним действиям Соединенных Штатов, которые подвергались критике со стороны других важнейших субъектов мировой системы. Итак, как должны действовать Европа и Азия в целях восстановления многостороннего характера мирового регулирования? Авторы данной части работы формулируют несколько рекомендаций, среди которых важнейшее значение имеют действия, рассчитанные на повышение эффективности международных организаций, установление совместной ответственности за основные глобальные проблемы, осознаваемые как общая опасность, а также поиск форм осуществления сотрудничества с Соединенными Штатами, которые в равной степени стремятся к получению поддержки своей политики со стороны важнейших партнеров.

Вопросу мирового регулирования в области безопасности посвящается вторая часть работы. Мелли Кабайеро-Энтони (*Institute of Defence and Strategic Studies* в Сингапуре) представляет азиатскую точку зрения на эту проблему. Анализу подвергается осуществляемый в регионе Юго-Восточной Азии процесс формирования сотрудничества в области безопасности. Этот процесс имеет сложный характер вследствие того, что многие спорные вопросы, прежде всего территориальные, остаются по-прежнему нерешенными. Поэтому, как отмечает автор работы, обеспечение безопасности в регионе связывается, главным образом, с установлением мирных отношений между отдельными государствами, что в конечном счете должно привести к построению *security community*, основанной на том, что ни одно государство не объявит войны другому (С. 39). В этом отношении многое уже сделано, и основным способом действия для достижения этой цели является прогрессирующая интеграция региона, осуществляемая в рамках различных интеграционных проектов (АСЕАН, АСЕАН + 3, АПФ) и соглашений о сотрудничестве. Здесь Юго-Восточная Азия может следовать примеру Европы, в которой интеграция привела к экономическому благосостоянию и, кроме того, способствовала росту европейской безопасности. Эта проблема

может положить начало новому диалогу Азия-Европа, который будет проходить на более высоком уровне и стремиться к выработке согласованной позиции в отношении глобальных вопросов. Следует, однако, иметь в виду то, что различия во взглядах на важнейшие глобальные проблемы и способность действовать по-прежнему ограничивают согласованное взаимодействие обоих регионов в сфере регулирования международных процессов.

Одной из лучших глав в книге является глава *Multilateral Co-operation in the Face of New and Old Security Challenges*, написанная Иоахимом Краузе. Автор представляет острый критический анализ многостороннего сотрудничества с точки зрения новых и традиционных угроз безопасности. Вслед за общеизвестной публикацией Роберта Кагана, Краузе утверждает, что Европа и Азия обращаются к идее мультилатерализма, потому что принадлежат к слабым в военном отношении государствам и мультилатерализм используют как средство осуществления хоть малейшего воздействия на деятельность единственной мировой супердержавы. Соединенные Штаты оценивают эффективность мультилатерализма по результатам разрешения проблем, которые, однако, трудно считать доказательными. Краузе приводит в работе интересные данные: за период 1990-2003 гг. в ходе американских военных интервенций погибло 36-38 тыс. человек, в то же время в результате конфликтов, по отношению к которым ООН проявляла пассивность (Босния и Герцеговина, Руанда, затруднительное положение в Ираке, Конго и Судане), численность жертв превысила 5,5 млн. (С. 65). Если трудно даже возлагать на ООН полную ответственность, то приведенная статистика свидетельствует, тем не менее, не в пользу имиджа этой организации, которая на происходящее не прореагировала согласно обязательствам, содержащимся в главе VII Устава ООН. Как подчеркивает Краузе, трудно понять отсутствие в Европе и Азии критических выступлений и дебатов на тему ООН. Безусловно, расширение состава Совета Безопасности ООН не повлияет на повышение его эффективности, но может в еще большей степени притормозить процесс принятия решения.

Степень ангажированности Соединенных Штатов в мультилатеральную систему мирового регулирования в сфере экономики представляется более значительной по сравнению с другими областями. Это обусловлено, в первую очередь,

позицией США в мировой экономике и международных финансовых организациях. Однако и на этом уровне можно испытывать сомнение по поводу соблюдения Соединенными Штатами принципов мультилатерализма. Международный валютный фонд находится в зависимости от США, которые все в меньшей степени считаются с мнениями других членов МВФ. С другой стороны, принципы многосторонней торговли ВТО также все реже получают одобрение со стороны США, о чем свидетельствуют медленные темпы переговоров, проводившихся в рамках т. н. Доха-раунда, а также постоянно увеличивающееся количество двусторонних и региональных соглашений о свободной торговле. Кроме того, все чаще высказываются мнения о необходимости более активного участия в системе мирового регулирования в сфере экономики развивающихся стран, которые осуждают важнейшие организации за то, что они представляют интересы не бедных, а богатых. Самым ярким примером такого подхода может послужить образование группы Г-21 на конференции ВТО на уровне министров в Канкуне в 2003 г. В результате, пишет Ричард Хигготт в главе *Multilateral Economic Institutions and the Limits to Global Governance*, „репутация мультилатерализма как стрессового компонента мирового регулирования в области экономики и безопасности была потеряна в начале нынешнего столетия” (С. 115). Хотя Азия и Европа пытаются на форуме АСЕМ развернуть дискуссию о путях ее восстановления, между обоими регионами по-прежнему наблюдаются значительные расхождения во взглядах; при этом их успех все же зависит от того, будут ли Соединенные Штаты в дальнейшем сохранять избирательность действий по отношению к мультилатеральной системе.

В настоящее время в отношении устройства международных финансовых организаций можно констатировать, что азиатские государства не утешают себя никакими иллюзиями. Как отмечает Янг Сугил в главе *Asia-Europe Co-operation on Global Financial Governance: An East Asian Perspective*, действия МВФ после начала азиатского кризиса 1997 г. показали азиатским государствам, что с ними обошлись по-предательски (С. 122). Автор проводит анализ этих действий и их последствий, приведших к усилению кризиса в части государств. В ответ на появившееся разочарование в деятельности МВФ, которое испытывали азиатские государства, считавшие также свое представительство в этой организации явно недостаточным,

Сугил рассматривает различные инициативы, ведущие к установлению регионального мирового управления как силы, противодействующей потенциальным финансовым кризисам. Автор ставит вопросы: в какой степени Азия может рассчитывать на поддержку Европы в выработке стратегии в сфере новой системы мирорегулирования, направленной на стабилизацию финансового и монетарного сотрудничества? может ли АСЕМ благоприятствовать развитию такого сотрудничества? - и дает утвердительный ответ на поставленные вопросы.

Последняя часть книги посвящена вопросу мирового регулирования в сфере развития. В начале текущего столетия этот вопрос имеет особое значение по двум причинам. Во-первых, в связи с Целями Развития Тысячелетия, сформулированными ООН в 2000 г.; во-вторых, в связи со значением проблемы развития для нынешнего тура торговых переговоров, получивших название *Doha Development Agenda (DDA)* и происходивших на форуме ВТО. Существенную роль в развитии беднейших государств играют развитые страны-дарители, оказывающие финансовую помощь. На эффективность этой помощи решающее влияние оказывает, однако, внутреннее положение в стране, являющейся адресатом средств. Печальный опыт, накопленный в 90-е гг. в результате израсходования средств, заставил Всемирный банк, МВФ и основных дарителей задуматься над тем, чтобы заранее обусловить получение помощи проведением реформ, связанных с т. н. Вашингтонским консенсусом. Все чаще помощь направляется в страны, в которых - наряду с исправно действующими правилами рыночной экономики - функционируют, прежде всего, определенные организации, обеспечивающие успешное приведение в исполнение законов и охрану собственности. Как отмечает Ричард Робинсон в главе *Global Governance and Development: New Problems in an Age of Security*, проблема развития справедливо связывается в самые последние годы с такими вопросами, как политическая стабильность и угрозы безопасности. Поэтому помощь распределяется не на основе выполнения определенных рекомендаций, а скорее между теми государствами, которые отличаются способностью эффективно управлять и производить необходимые изменения (С. 174). Показательным примером такой тенденции в политике может служить принятое в 2005 г. Группой Семи (G-7) решение об аннулировании долгов именно этих государств.

По-прежнему, однако, ставится под сомнение факт, смогут ли развитые страны выполнить свое обещание согласно Целям Развития Тысячелетия, предназначая 0,7% ВВП для оказания помощи в целях развития.

Более серьезные сомнения вызывают результаты *DDA* и вопрос: дадут ли развитые государства развивающимся странам шанс на большую экономическую самостоятельность и развитие, открывая свои рынки для продуктов сельского хозяйства, текстильной промышленности, обуви и других товаров, производство и экспорт которых имеют фундаментальное значение для экономики развивающихся стран? В течение последних лет появилось несколько важных по значению публикаций, рассматривающих взаимосвязь торговли и развития. Эти работы наглядно показывают, какое огромное значение для развивающихся стран имеет возможность экспортировать конкурентоспособные продукты. Ход переговоров по установлению новых принципов международной торговли, которые должны быть более выгодными для развивающихся стран, а также – в частности – конференция ВТО на уровне министров в Канкуне показывают нежелание учитывать интересы и постулаты этих стран со стороны США, Европейского союза и Японии. Отсутствие такой договоренности в рамках *DDA*, а также рост тенденции к заключению двусторонних и региональных соглашений о свободной торговле приводят к «растворению» идеи мультилатерального мирового регулирования в сфере всемирной торговли. И труднореализуемыми, по-прежнему, оказываются рекомендации одного из авторов работы, Мари Пангесту: «Азия и Европа должны следовать стратегии мультилатерализма как основного принципа либерализации торговли, а также сопротивляться стремлению к билатерализму, который может ослабить мультилатерализм, характерный для деятельности ВТО» (С. 164).

Авторы книги единогласно утверждают, что нынешняя мультилатеральная система мирового управления находится в кризисном состоянии и крайне нуждается в реформировании в целях восстановления нормального функционирования и возвращения потерянного доверия. Они также единодушно признают бесспорность ведущей позиции Соединенных Штатов как создателя нынешнего миропорядка, испытывающего разочарование ввиду пассивности других субъектов мировой системы в решении глобальных проблем и действующего вопреки их рекомендациям. Азия и Европа стали воспринимать

Соединенные Штаты, своего важнейшего партнера, как проблему, с которой нужно справиться. Эта проблема обозначает, в частности, действия в обход созданных с активнейшим участием США правил мирового регулирования, рассчитанные на использование международных финансовых организаций для поддержки политических целей; уход от многосторонних соглашений в сторону региональных и двусторонних договоров о свободной торговле; прессинг на союзников в случае поддержки ими политики безопасности, установленной в одностороннем порядке в Вашингтоне. Авторы дают многие рекомендации относительно сотрудничества Азии и Европы в области выработки согласованной стратегии решения глобальных проблем, а также возможных путей воздействия на США в целях их возвращения к мультилатерализму. Следует, однако, иметь в виду, что оба региона расходятся во взглядах на многие проблемы, и поэтому возникает вопрос о том, можно ли в самом деле исправить мультилатеральную систему мироуправления благодаря сотрудничеству Азии и Европы. И, наконец, самый кардинальный вопрос: готовы ли оба региона покрыть расходы и принять на себя ответственность за решение порой почти не ощущаемых ими мировых проблем?

Артур Градзюк

Federico Trillo-Figueroa Martínez-Conde, *Memoria de entreguerras. Mis acos en el Ministerio de Defensa (2000-2004)*, Barcelona, Planeta, 2005, 371 s.

В 2000-2004 гг. Федерико Трийо выполнял функции министра обороны в правоцентристском правительстве Народной партии (*Partido Popular*), во главе которого стоял Х. М. Аснар. Ему выпала доля работать в период осуществления глубоких преобразований международной системы, динамика которых определялась такими событиями, как террористические акты в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., война в Афганистане, война в Иране, и, наконец, теракт в Мадриде 13 марта 2004 г. Срок полномочий Ф. Трийо совпал также с существенной переориентацией испанской внешней политики. Заметное сближение позиций Испании и Соединенных Штатов и поддержка Дж. Буша, его войны с терроризмом (при одновременном

увеличении расстояния между ней и Францией и Германией), привело к тому, что наряду с Великобританией и Польшей Испания стала одним из основных союзников США. Следует также упомянуть о проведенных в то же время в Испании реформах политики в области обороны, теснейшим образом связанных с профессионализацией испанских вооруженных сил, программами по модернизации вооружений и разработкой первого Обзора стратегической обороны. Воспоминания Ф. Трийо приобретают в этом контексте особое значение, хотя они, несомненно, не вполне свободны от ограничений, характерных для подобных публикаций. Впрочем, автор прекрасно отдает себе в этом отчет, констатируя во введении: «Я знаю, что мое свидетельство ограничено и, по всей вероятности, преждевременно и что оно лишено исторической перспективы (...)».

В двенадцати главах, составляющих три отдельные части книги, автор представляет свои замечания, комментарии и оценки относительно тематики встреч, решений, событий и процессов в национальном и международном масштабах, которыми он занимался и которые имели первостепенное значение во время его 4-летней деятельности на посту министра обороны.

Первая часть воспоминаний, касающаяся периода с апреля 2000 г. по сентябрь 2001 г., открывается беседой с премьер-министром Аснаром, которая привела Трийо к работе на посту министра национальной обороны. Автор книги описывает свои первые дни-недели в министерстве обороны и знакомит читателей с произведенными изменениями кадрового состава и программы деятельности. Трийо рассказывает также о своих взаимоотношениях с королем Хуаном Карлосом, премьер-министром Аснаром и вооруженными силами. Дальше он рассматривает осуществлявшиеся в то время реформы, связанные с профессионализацией армии, модернизацией вооружения и преобразованиями в разведывательных службах. Трийо знакомит нас с процессом разработки Обзора стратегической обороны, которая окончательно завершилась в конце 2002 г. Несмотря на то, что в первой части публикации преобладает внутренняя направленность проблематики, автор обращает внимание также на возрастающий удельный вес испанских вооруженных сил, участвующих в миссиях за пределами страны (Балканы). Он подчеркивает значение интеграции Испании в военную структуру НАТО (1999) и важность создания европейской политики безопасности и обороны. Трийо описы-

вает также свои контакты с Рамсфелдом и Райс по вопросам, связанным с переговорами относительно продления испанско-американского соглашения о сотрудничестве в области обороны, которое в конечном счете было подписано в 2002 г.

Вторая часть книги начинается с терактов 11 сентября 2001 г. Ведущим мотивом воспоминаний того периода является несомненно война против терроризма. Однако автор сосредотачивает свое внимание также на кризисе взаимоотношений между Испанией и Марокко, который начался 10 июля 2002 г. в результате захвата марокканскими вооруженными силами испанского острова Перехиль и завершился несколько дней спустя благодаря посредничеству К. Пауэла. Не подтвердились выдвигавшиеся некоторыми испанскими комментаторами гипотезы о том, что якобы Испания отблагодарила США за поддержку, одобряя планы американской интервенции в Ираке.

Политика Дж. Буша после терактов 11 сентября получила полное одобрение Аснара и его правительства. Как считает Трийо, причиной ангажированности Испании была в равной степени солидарность с Соединенными Штатами (которую проявляли и другие страны-члены НАТО) и убежденность в том, что глобальная война против терроризма будет способствовать решению проблемы терроризма ЭТА в Испании. В воспоминаниях испанского министра нашла свое отражение роль П. Вольфовитца в разработке американской стратегии борьбы против терроризма, а также тесное сотрудничество стран-членов НАТО с Россией в борьбе против терроризма. Заслуживает внимания, например, описание встречи министров обороны стран-членов НАТО, которая состоялась 26 сентября 2001 г. Во второй части этой встречи принял участие министр обороны России Сергей Иванов, который – по словам Трийо – сообщил всем сведения о бен Ладене, Аль-Каиде и их связи с Афганистаном, значительно превосходящие по точности американские данные.

6 октября 2001 г. началась интервенция в Афганистане. После окончания военных операций, выполняемых США и Великобританией, Испания выразила готовность первой принять участие в стабилизационной миссии в Афганистане (ISAF). Как утверждает Трийо, возникновение в то время идеи «готовых помочь силам коалиции», которая на протяжении более длительного времени могла бы привести к маргинализации НАТО, озадачила и обеспокоила союзников. С другой

стороны, реакция членов Североатлантического пакта на формирующуюся новую стратегию США, которая предусматривала ведение войны против терроризма и борьбы с падшими государствами (Ираком, Северной Кореей, Ираном), указывала на увеличение различий между ними.

Вопрос Ирака оказался причиной раскола в стане союзников. В третьей части книги Трийо вспоминает о том, что в конце января 2003 г. в связи с разногласиями между Францией и Германией по вопросу участия НАТО в Ираке американцы стали искать поддержку у отдельных европейских стран с целью создать коалицию из тех, кто готов помочь. Неожиданно в этом контексте незначительной оказывается роль, которую автор отводит т. н. «письму девяти», опубликованному 30 января 2003 г. по инициативе Аснара важнейшими европейскими газетами. Как утверждает испанский министр обороны, письмо преследовало цель обратить внимание на необходимость сотрудничества Европы и США в вопросе об Ираке. Однако в действительности инициатива Аснара позволила обнаружить несомненные разногласия между европейскими странами, которые вскоре после комментариев Рамсфелда на тему старой Европы обострились в еще большей степени.

Различия во взглядах появились также на испанской политической сцене. Несмотря на то, что еще в начале февраля – как предполагает Трийо – Аснар не принял решения о возможной поддержке планов Буша, оппозиционная ПСОВ выступила с возражениями против интервенции в Ираке и отклонила предложение премьер-министра о совместных поисках решений этого вопроса. Из книги бывшего министра обороны можно также узнать о том, что вопрос Ирака вызвал разногласия в испанском правительстве. На встрече правительственной комиссии по урегулированию кризисных ситуаций, работавшей под руководством Аснара, которая состоялась 2 марта, кроме сторонников участия испанских вооруженных сил в интервенции в Ираке (сгруппированных, главным образом, вокруг премьер-министра), выступали и противники этой ориентации, которые (как, например, Р. Рато) ратовали прежде всего за ангажированность в виде гуманитарной помощи.

Трийо подробно описывает контакты между представителями США, Великобритании, Испании и Франции в период накануне войны в Ираке. Он замечает решимость американцев, готовых выполнить военную операцию даже вопреки

мнению остальных союзников, и непоследовательную, но твердую позицию Франции, а также отмечает старания Испании и Великобритании, направленные на достижение компромисса между союзниками. Автора в небольшой степени интересует роль Германии, он также полностью обходит молчанием такие государства, как Польша.

20 марта началась военная интервенция против Ирака, в которой участие приняли американские, британские, австралийские и польские войска. Испания поддержала интервенцию и оказала гуманитарную помощь, однако испанские вооруженные силы непосредственно в ней не участвовали, ибо – как вспоминает Трийо, ссылаясь на беседу с Аснаром, проведенную 16 марта за несколько часов до встречи Буша, Блэра, Аснара и Дурау на Азорах, – «американцы были заинтересованы не столько в участии наших военных сил, сколько в нашей политической поддержке».

Период от начала интервенции против Ирака до конца мая Трийо вспоминает прежде всего как время сильного волнения в Испании, вызванного сначала гибелью 2 испанских журналистов, а затем – катастрофой самолета Як-42-D, в которой погибли 62 испанских солдата, возвращавшихся из Афганистана. Одновременно, однако, он обращает внимание на то, что в конце апреля правительство Аснара начало готовиться к участию в стабилизационной миссии в Ираке. Трийо довольно критически комментирует события, когда итальянцы опередили испанцев и присоединились к британской стабилизационной зоне. Он приводит также телефонный разговор с Рамсфелдом, во время которого секретарь обороны обратился к Трийо с предложением включить Испанию в состав дивизии, создававшейся тогда под командованием Польши. Изумленный испанский министр обороны задал вопрос: «Как же поляки примут на себя это обязательство, если они только что стали членами Пакта?», – на которой Рамсфелд ответил, что дело как раз сводится к тому, чтобы делить ответственность и совместно командовать дивизией. При этом он пошутил на тему новой и старой Европы. Аснар принял американское предложение, и испанцы вошли в состав многонациональной дивизии «Плюс ультра». Темой воспоминаний Трийо, касающихся периода с сентября 2003 г. по март 2004 г., являются, в первую очередь, испанские солдаты, которые погибли во время службы в миссии, а также визиты в испанский контингент в Ираке, которые совершали министр обороны и премьер-

министр Аснар. Сведения о функционировании войск или сотрудничестве в рамках многонациональной дивизии имеют совершенно второстепенный характер.

Записки заканчиваются датой 20 апреля 2004 г. Трийо выполнял функции министра обороны до момента прихода на этот пост своего преемника Х. Боно из социал-демократической партии ПСОЕ. По словам Трийо, в тот день, когда он покидал министерство обороны, новый премьер-министр Х. Л. Сапатеро объявил решение о выводе испанского контингента из Ирака.

Во вступлении Трийо отмечает: «мое свидетельство – это всего лишь описание событий, которое я прожил, убеждений и оценок, на которых основывалась моя позиция, ибо оно, как мне думается, может помочь лучше понять точку зрения правительства, в котором я работал министром обороны, а также принятые решения и цели, к которым мы стремились». В воспоминаниях, написанных после теракта в Мадриде (11 марта 2004 г.) и парламентских выборов, проигранных Народной партией, отчетливо звучит голос человека, оправдывавшего деятельность уходящего в отставку правительства Аснара и, прежде всего, его поддержку интервенции в Ираке, которая встретила серьезные протесты со стороны общества и оппозиционных партий. Трийо неоднократно обвиняет оппозицию в безответственном изображении событий и манипулировании фактами, однако и он сам признается в своих ошибках, главным образом во время избирательной кампании. Он признает также некоторые неправильности, допущенные правительством в связи с терактами 11 марта. Несмотря на то, что воспоминания Трийо основаны исключительно на общедоступных данных, описание бесед с Аснаром, встреч министров обороны союзнических стран и даже анекдоты, приводимые автором, – все это расширяет известные сведения об Ираке. Воспоминания показывают, как испанские правящие круги (или, по крайней мере, некоторые их представители) воспринимали в то время изменения в международной системе, как с точки зрения Испании складывались трансатлантические отношения, а также как обстояли взаимоотношения между основными странами, вовлеченными в разрешение иракского вопроса.

Bertel Heurlin, Sten Rynning (eds.), *Missile Defence, International, Regional and National Implications*, Routledge, London, New York, 2005, 227 p.

В контексте проводимой ныне дискуссии о сценариях развития американской системы противоракетной обороны (*Missile Defence – MD*) и возможности размещения ее компонентов на территории Польши стоит познакомиться с книгой, вышедшей в издательстве *Routledge*. Это коллективная работа, в которой затронут необычайно широкий спектр проблем, связанных с *MD*. Особую ценность представляемой публикации придает то, что авторы не остановились на описании проблемы с точки зрения создателя системы – Соединенных Штатов, а представили перспективу и других акторов, опосредованно или непосредственно заинтересованных этой темой, т. е. России, Китая, европейских союзников США, а также государств Ближневосточного региона.

Исходным моментом для размышлений о проблемах противоракетной обороны является, конечно, политика Соединенных Штатов. В трех первых главах книги авторы пытаются прежде всего установить, какие факторы имели ключевое влияние на формулирование концепции противоракетной обороны. Так, Вильгельм Агрелл сосредоточился на представлении истории развития систем противовоздушной обороны вообще – делая при этом своеобразный обзор доступности (с особым учетом технологического фактора) всех стратегических вариантов, которыми располагает государство, желающее надежно застраховаться от нападения с использованием оружия массового поражения (отпугивание, превентивные удары, предотвращение распространения). В то же время автор объясняет, почему на данном этапе выбирается тот, а не иной вариант. Нынешнюю решительность американской администрации в области создания *MD* Агрелл представляет как логическое следствие униполярного мира (напоминая одновременно, что у США возникла подобная проблема после окончания второй мировой войны, когда лишь они обладали атомным оружием). В отличие от периода холодной войны, когда мир гарантировало относительное равновесие могущества обоих главных противников, ныне Соединенные Штаты стремятся к обеспечению своей безопасности посредством достижения преимущества над всеми потенциальными противниками, что диктует полное изменение их стратегии. Ее существенными элементами являются превентивные удары, внушение против-

нику отказа от использования оружия массового поражения против США и, наконец, создание возможности перехвата направленных на них ракет.

Пожалуй, наиболее интересную точку зрения на американскую концепцию развития *MD* представила во второй главе Тарья Кронберг. Она замечает, что Соединенные Штаты неслучайно настаивают на создании эффективной системы противоракетной обороны, хотя есть и другие, гораздо более дешевые способы избавиться от угрозы нападения с использованием оружия массового поражения (переговоры, санкции и даже превентивные удары). По мнению Кронберг, ключом к пониманию американских планов является обнаружение их опасений в отношении к тому, что автор определяет как «космический Пирл Харбор». Достижение превосходства в космическом пространстве является ключевым элементом нынешней стратегии безопасности США, а средством получения этого превосходства являются современные технологии, которые будут развиваться при создании *MD*. В будущем они должны будут служить защите всех (в том числе гражданских, ключевых с экономической точки зрения) запасов, расположенных в космическом пространстве. Одновременно автор затрагивает также необычайно существенную проблему расходов на исследования и развитие (*R&D*) в военной сфере. Много лет американцы выделяли значительные суммы на *R&D*, а «побочные результаты» этих инвестиций позже пригодились также в гражданской сфере. По окончании холодной войны администрация ненадолго значительно снизила расходы на исследования и развитие, что отрицательным образом сказалось на состоянии военной промышленности. Возвращение к концепции создания противоракетной обороны – это, таким образом, средство оживления этого сектора, а технологии, разработанные во время создания системы, несомненно найдут свое «гражданское» применение.

Более комплексный подход к проблеме *MD* в Соединенных Штатах предлагает в третьей главе Бертель Хёрлин. В принципе он соглашается с авторами двух предыдущих глав, утверждая, что *MD* следует рассматривать в нескольких контекстах: как часть общей стратегии США, как элемент революции в области военного дела (*Revolution in Military Affairs* - *RMA*), а также как фактор, призванный в долговременной перспективе обеспечить американцам господство в пространствах, которые станут ключевыми в ведении будущих войн,

т. е. в космическом и кибернетическом пространствах. Автор дает оценку также уже широко известным аргументам против создания *MD*, которые появились в дискуссии на эту тему как в самих Соединенных Штатах, так и среди их союзников. Оппоненты указывают, что *MD* не имеет ни стратегического смысла (ослабляет механизмы отпугивания, поглощает средства, более нужные для устранения нынешних угроз безопасности), ни экономического, а к тому же технически невыполним (недостатки примененной технологии *hit-to-kill*). Кроме того, создание *MD* ускоряет гонку вооружений, угрожает контролю над вооружениями и хрупкому равновесию сил, а его реализация отделит США от европейских союзников. С другой стороны, Херлин замечает, что голоса критиков значительно поутихли после террористических актов 11 сентября (хотя в принципе трудно найти какие бы то ни было корреляции между этими двумя проблемами), когда президент Дж. Буш заявил, что создаваемая система охватит и союзников США в Европе.

Позиции союзников по НАТО в отношении *MD* шире рассмотрены в пятой главе. Стен Риннинг возвращается в своих размышлениях к временам президентства Клинтона, когда, как утверждает автор, неприятие европейцами американских планов создания *MD* происходило главным образом из различий в приоритетах в политике безопасности того периода. К ним принадлежали, прежде всего, ликвидация нестабильности на постсоветском пространстве и конфликтов на Балканах. Однако автор замечает, что, хотя европейцы весьма неодобрительно относятся к планам США, принимая лишь развитие противоракетной обороны театра военных действий (*TMD*), анализ позиции некоторых союзников (Польши, Испании, Чешской Республики) позволяет ожидать, что они будут эволюционировать в направлении большей приверженности американским планам. Одновременно много места посвящено в книге (восьмая глава, автором которой является Ингемар Дорфер) рассмотрению различий в подходе к проблеме противоракетной обороны в нордических государствах (Дании и Норвегии – членах НАТО – и нейтральной Финляндии и Швеции), а также описанию сложностей в переговорах американцев с датским правительством и региональным правительством Гренландии по вопросу о модернизации американской радарной базы в Туле (глава девятая).

Столь же подробно представляются в книге также позиции ярых противников американской противоракетной обороны, т. е. России, Китая и ближневосточных государств. Хотя в принципе авторы не предлагают черных сценариев, они пытаются показать, до какой степени *MD* может осложнить отношения Соединенных Штатов с этими странами, а также отрицательно сказаться на динамике безопасности в некоторых регионах. Российская позиция представлена в четвертой главе. Алла Касьянова уже в самом начале делает вывод о том, что решение Соединенных Штатов по вопросу о щите и их выход из договора *ABM* вынуждает Россию к пересмотру роли противоракетной обороны в ее собственной стратегии безопасности. Российская Федерация пытается реагировать на проблему разными способами. Прежде всего, она рассматривает вариант создания собственной системы противоракетной обороны (одновременно автор описывает эволюцию систем, которыми располагает Россия). Кроме того, РФ ищет партнеров для кооперации в этом вопросе как в регионе, т. е. среди государств – сторон договора о коллективной безопасности СНГ (с которыми кремлевская власть хочет построить общую противовоздушную и противоракетную оборону), так и в Европейском союзе или НАТО. Однако многие факторы указывают на то, что в конце концов Россия на самом деле будет обречена на сотрудничество с Соединенными Штатами, которые являются для нее единственным серьезным партнером в вопросе о создании *MD*. Уже сейчас Россия не исключает этого сотрудничества, хотя прежние общие проекты (такие, например, как *RAMOS*) сталкивались при реализации с ощутимым сопротивлением, главным образом по причине отсутствия политической воли. Много внимания Касьянова посвящает также вскрытию внутренних факторов, которые детерминируют политику РФ в сфере *MD* (технологический уровень, престиж, позиция военных структур, настроения политических партий, интересы российской военной промышленности и т. п.).

В главе, посвященной Китаю, Питер Дайвед, в свою очередь, объясняет, почему американский проект создания системы противоракетной обороны вызывает обоснованные сомнения срединного государства. Китайцы указывают на то, что система, которую создают американцы, значительно превышает масштабы, необходимые для борьбы с угрозами, вытекающими из действий т. н. проблемных государств. Ее возникновение

будет угрожать китайским интересам в области безопасности прежде всего посредством нейтрализации ядерного потенциала Китая (ведь снаряды, размещенные на базах на Аляске, смогут перехватывать не только ракеты, выпущенные с территории Северной Кореи, но и ракеты китайские). Кроме того, Соединенные Штаты открыто указывают на Китай как на своего стратегического противника, а более ранние версии системы *MD* (напр., *Sentinel*) были официально направлены против Китая. Дальнейший анализ проблемы американо-китайских отношений в контексте создания *MD* приводит автора к выдвиганию тезиса, что существует по крайней мере несколько проблем, которые в будущем могут стать источником конфликта между ними, не исключая угрозы использования атомного оружия. Соединенные Штаты могут прежде всего угрожать реализации китайских интересов в Южной Азии (посредством размещения элементов системы вблизи китайской границы, особенно на Тайване). Дайвед указывает также инструменты, которые могут применить китайцы, чтобы хоть немного ослабить значение *MD*. Одним из них является возможный китайско-российский союз, который, будучи пока еще слабым, потенциально может уравновесить в будущем могущество американцев. Китайцы также могут использовать северокорейскую карту, применив свои возможности влияния на господствующий там режим. Однако гораздо более чревато последствиями с точки зрения международной безопасности то, что Китай чувствует себя вправе распространять оружие массового поражения на Ближний Восток и в Пакистан (что может иметь негативные последствия для пакистано-индийско-китайского равновесия). Подводя итог, автор утверждает, что Китай не откажется от великодержавных амбиций, а поэтому, вероятнее всего, будет вынужден модифицировать свою ядерную программу (прежде всего в сторону увеличения количества боеголовок), что поглотит огромные финансовые средства и может затормозить ключевые для китайской экономики реформы.

Довольно интересные размышления предложила Бирт Хансен в главе, касающейся влияния *MD* на регион Ближнего Востока. Несмотря на то, что с момента окончания холодной войны программы развития оружия массового поражения находятся там в упадке (кроме, конечно, Ирана), Соединенные Штаты опасаются довольно непредсказуемой политики государств данного региона и укрепления террористических

организаций, поддерживаемых тамошними режимами. США учитывают также прежние случаи использования оружия массового поражения в региональных конфликтах. Может ли, таким образом, создание *MD* оказать стабилизирующее влияние на ситуацию в регионе? Автор утверждает, что да, но только тогда, когда стратегия США будет дополнена рядом других инструментов (инициативами демократизации региона, эффективными программами сдерживания пролиферации). По расчетам администрации Буша, структура *MD* должна отбить охоту у ближневосточных режимов формулировать стратегии нападения в отношении Соединенных Штатов. Огромные расходы на развитие программ производства оружия массового поражения нецелесообразны перед лицом того факта, что американский щит в принципе их нейтрализует (исключение здесь составляет Иран, который, по мнению Хансен, скорее всего не откажется от ядерных амбиций). С другой стороны, одной лишь *MD* недостаточно для выработки более компромиссного курса в отношении США. Нужен также пакет средств, который поддержит молодые демократии (во многих государствах готовится смена правящих команд), необходима интенсификация усилий во имя решения палестино-израильского конфликта. Ослаблению напряженности в регионе способствовала бы также ратификация Израилем некоторых соглашений в области контроля над вооружениями и разоружением (хотя бы конвенций о запрещении химического оружия или полном запрещении испытаний ядерного оружия). С другой стороны, неблагоприятное стечение обстоятельств может также привести к реализации «черного» сценария. Политика нападения США или Израиля может привести к радикализации настроений среди мусульманской общественности, что усилит склонность к разжиганию региональных конфликтов и вызовет желание поддержки терроризма.

Рассматриваемая публикация может быть рекомендована всем, кого интересует довольно комплексный подход к проблеме американского противоракетного щита. Хотя в ней можно отметить и некоторые недостатки (не затронута, например, довольно существенная проблема влияния *MD* на развитие европейской политики безопасности и обороны, слишком мало анализируется «иранский вопрос»), все же она позволяет выработать для себя достаточно ясное представление о том,

чего нам следует ожидать в случае, если реализация американского проекта закончится успешно.

Беата Гурка-Винтер

Balázs Ablonczy, «Teleki Pál», Osiris: Budapest 2005, 547 С.

Монография молодого венгерского историка Балажа Аблонци посвящена анализу личности и деятельности венгерского ученого и политика, трансильванского графа Пала Телеки (1879–1941). По масштабу своей деятельности Пал Телеки (полное имя Эде Янош Пал Телеки) стал одной из ярких фигур Венгрии в период между двумя мировыми войнами. Его деятельность в области внутренней и внешней политики и дипломатии была прямым продолжением традиций его рода, а также отчасти повторением политического пути его отца Гезы Телеки, который с 1875 г. был депутатом венгерского сейма (Австро-Венгрии), а в конце правления Кальмана Тисы кратковременно занимал пост министра внутренних дел (в 1889 г.). После 1918 г. Пал Телеки стал полноправным представителем выдающегося поколения венгерской научной, культурной и политической элиты, которая после распада Австро-Венгерской империи создавала государственно-правовые и общественно-культурные основы послевоенной Венгрии. В качестве иллюстрации можно назвать несколько имен его ближайших сотрудников и друзей, которые вместе с ним в 20–30 гг. XX века формировали и оказывали влияние на все направления развития венгерской политики, науки и культуры: Иштван Бетлен, Михай Каройи, Густав Грац, Миклош Банффи и др. В монографии подробно анализируется становление и развитие личности Пала Телеки, и в особенности исследуется масштаб и невероятно широкий спектр его общественной деятельности до и после первой мировой войны.

1879–1918 гг.

Во вступительной главе под названием «Семья, происхождение, молодые годы»¹ подробно анализируется происхождение

---

¹ B. Ablonczy, c.d., *Család, származás, ifjúkor*, s. 23-48.

ние Пала Телеки, отмечается неоднородность национального и социального состава его предков, сведения о которых приводятся с начала XV столетия, хотя первые документальные свидетельства о роде Телеки появляются только во второй половине XVI века. Еще один интересный момент – вопрос о родителях Телеки. Вопреки обычаям того времени, его мать Ирэн Муратти не была венгерской аристократкой, а происходила из среды греков (торговцев), обосновавшихся в Буде и Пеште. Как констатирует Аблонци, по тем временам брак отца Телеки (Гезы Телеки) с невенгеркой был действительно из ряда вон выходящим событием не только для консервативной венгерской аристократии, но и для самой греческой диаспоры (С. 33–39).

В следующей главе под названием «Период выбора ориентиров (1897–1918)»² автор рассматривает постепенно формирующиеся научные интересы Телеки и приводит документальные свидетельства его первоначального знакомства с окружающим европейским и далеким азиатским миром (в 1897–1899 гг. Пал Телеки совершил свое первое путешествие по Европе и Азии). В конечном счете, это путешествие оказало решающее влияние на выбор его дальнейшей профессии. Почти на два следующих десятилетия ею стала география, несмотря на то, что интерес к ней отдалял его от права, основного учебного предмета, к изучению которого он приступил в 1897 г. (в конце концов, Телеки успешно окончил юридический факультет в 1901 г.). Как раз в это время, в декабре 1898 г., девятнадцатилетний Телеки докладывает о результатах своего путешествия по Азии, выступая с одной из первых своих открытых лекций в *Венгерском географическом обществе*, в управление, развитие и расширение международного сотрудничества которого он внес выдающийся вклад десятью годами позже, когда занимал должность генерального секретаря общества. Безусловно, это выступление открыло для него двери венгерской науки, в рамках которой почти два десятилетия он посвятил деятельности, связанной с географией, историей открытий и картографией. Той самой картографией, которая с самого начала могла полностью убить желание идти по выбранному пути. Дело в том, что Телеки не обладал большими способностями к черчению, столь важному для картографии. Однако, с другой стороны, для Телеки этот период был

---

² Там же, *A tájékozódás évei 1897-1918*, s. 48-125.

особенно важен тем, что в научных кругах (географов, картографов и прочих специалистов) он нашел своих будущих сотрудников, с которыми впоследствии вместе работал в период создания и становления Венгрии. Одним из таких мест, где он познакомился с будущими выдающимися венгерскими научными и политическими деятелями (например, с Густавом Грацем и Оскаром Яси), был журнал *Huszaedik Szbzad* (Двадцатый век), для которого Телеки писал публицистические статьи.

В первых двух главах Аблонци показывает главным образом период молодости и становления Телеки, отмеченный одним из его первых успехов в политической деятельности: его избрание депутатом венгерского сейма в январе 1905 г., а также второе избрание в 1906 г. Как подчеркивает Аблонци, без сомнения, таким образом Телеки становится членом будущего поколения выдающихся венгерских политиков. На это не повлиял даже его временный уход из венгерской политической жизни, когда сразу после своего второго избрания в сейм в 1906 г. Телеки отказывается от депутатского мандата. В это время он снова с головой погружается в науку (занимается исследованием старых географических карт, в 1907 г. отправляется в экспедицию в Африку, в ходе которой посещает, например, Каир, а в Париже и Лондоне занимается исследованиями на тему, лежащую в области его основных научных интересов: «Японские открытия с точки зрения исторической картографии»). Временный уход из официальной политики подтверждается его действиями в 1910 г., когда он не выдвинул свою кандидатуру для избрания в сейм, а в 1911 г. стал генеральным секретарем Венгерского географического общества. В следующем, 1912 г., по случаю 60-летия основания Американского географического общества он принял приглашение совершить свою первую поездку в США. Поездку, которая для дальнейшего политического пути Телеки имела огромное значение, т. к. в качестве члена международной делегации он установил важные контакты с американскими и европейскими географами, которые в будущем, после распада Австро-Венгерской империи, активно участвовали в разработке планов послевоенного устройства Центральной Европы в составе экспертных комиссий Парижской мирной конференции и к которым позднее не только Телеки, но и венгерские дипломаты обращались за помощью, главным образом выдвигая

территориальные претензии Венгрии (для сохранения ее исторического территориального единства).

Другая интересная тема, которую во второй главе монографии затрагивает Аблонци, – участие Телеки в так называемом «туранском движении». Это движение, на фоне которого уже с 70–80-х гг. XIX века, особенно после периода внутреннего политического кризиса (1905–1910 гг.), представители венгерской науки и политики пытались по-новому определить главные внутривнутриполитические и внешнеполитические цели и приоритеты, связанные с предполагаемой внешнеполитической экспансией и расширением венгерского культурно-политического влияния от Китая до Адриатического моря на основании языкового родства венгерского языка с так называемой группой туранских (тюркских) языков (урало-алтайской языковой семьи) (главным идеологом этого движения был Армин Вамбери, изложивший свои взгляды в книге *A magyarok eredete* (Происхождение венгров)). С помощью этого движения некоторые венгерские (австро-венгерские) политики надеялись покончить с продолжительным немецко-австрийским экономическим господством на Балканах, другие венгерские политики стремились главным образом к созданию особой административно-экономической единицы (на Ближнем Востоке и в Османской империи), разумеется, при условии, что ее столицей будет Будапешт, а ведущую роль в этом процессе и на этой территории будет играть *magyarság* (венгерское культурно-языковое общество). Гораздо меньше разногласий вызывала прагматическая экономическая мотивация, которая была альфой и омегой всего движения. Особенно в первом десятилетии XX века оно дало сильный толчок развитию венгерского общества, науки и политики (в 1910 г. было основано Туранское общество), что положило начало активной деятельности в венгерских научных и политических кругах, в рамках которой в силу профессиональных интересов участвовали представители научных кругов (географы, востоковеды, тюркологи, этнографы), с позиций утилитарных политических и экономических интересов – представители венгерских политических и экономических кругов (Миклош Банффи, Иштван Тиса, Михай Каройи); не последнюю роль играли консервативные националистические политические силы, которые рассматривали это движение лишь как отражение гегемонии *magyarság* в Карпатской котловине и в областях восточнее ее, что в венгерском обществе считалось само собой

разумеющимся. Это движение положило начало волне исследовательских экспедиций на просторах Азии (Кавказ, Туркестан, Поволжье, Сибирь), где венгерские ученые пытались найти свидетельства происхождения венгров. В этом движении также участвовали выдающиеся представители венгерской литературы (Жигмонд Мориц, Эндре Ади) – по сути, оно охватило все венгерское общество. Телеки тоже не остался в стороне. Сначала он стал заместителем председателя, а затем председателем основанного в Будапеште Туранского общества и главным редактором журнала *Туран*, целью которого было систематическое исследование восточных просторов при щедрой финансовой поддержке венгерского правительства и частных лиц. Этот период – период первого восхода звезды Телеки на политическом, научном и организационном небосклоне – в личном плане завершается браком с Йоханной Биссинген в 1908 г. С точки зрения дальнейших событий стоит отметить, что на их свадьбе присутствовал цвет венгерской и трансильванской аристократии, в том числе близкие друзья Телеки: Михай Каройи (который в неофициальной обстановке называл Телеки *Vyli*) и Иштван Бетлен, для которого после женитьбы Телеки стал дальним родственником (через жену Иштвана Бетлена).

В наши дни Пала Телеки обычно воспринимают как политика, в меньшей мере как ученого, а ведь кроме политики и науки, его большой страстью был мир автомобилей, в основном, в период его воинской службы (С. 98–125). В 1909 г. он стоял у истоков Добровольного королевского венгерского автотоклуба (прежнее название Королевский венгерский автомобильный клуб), члены которого собирались свернуть свою деятельность, в основном, из-за низкого уровня оснащённости венгерской (австро-венгерской) армии автомобилями. В развитии автомобильной культуры в исторической Венгрии (времен Австро-Венгерской империи) молодой Телеки сыграл выдающуюся роль как энтузиаст этой отрасли.

Конец второй главы монографии Аблонци опять посвящает разнообразной деятельности Телеки во время первой мировой войны, в ходе которой он воевал солдатом в Сербии (в 1914 г.), служил в фельдъегерской службе на Юго-Западном фронте Австро-Венгерской империи, а затем был назначен начальником важного железнодорожного узла Юго-Западного фронта на станции Сан-Даниэле на территории современной Слове-

нии. Как писал Телеки супруге о последнем своем назначении, это была *kutya munka, de hasznos* (собачья работа, но полезная).

В течение всего периода 1914–1918 гг. он также занимался организаторской работой (в меньшей степени научной), но через шесть лет вернулся на венгерскую политическую сцену, когда в октябре 1916 г. (в ходе дополнительных выборов) был избран депутатом сейма от округа Кестхей, занимаясь, в основном, вопросами социальной политики и социального обеспечения. В 1916 г. он был назначен в специальную комиссию правительства Иштвана Тисы, состоявшую из трех человек, задачей которой было координировать работу отдельных специализированных отделений Туранского общества – Венгерского восточного культурного центра, обновленного под эгидой Венгерской академии наук. В 1917 г. Телеки становится главным редактором вновь издаваемого журнала «Туран» и председателем Земного воинского попечительского совета.

Как указывает Аблонци, после окончания военных действий и поражения Австро-Венгерской империи деятельность Телеки определялась, в основном, практическими потребностями, связанными с «цветными карандашами, объемными папками бухгалтерской документации, знанием английского языка и расписаний движения поездов. Венгрия потерпела поражение».

1918–1921 гг.

Основная часть монографии Аблонци посвящена деятельности Телеки в 1918–1941 гг., описанной в трех длинных главах: «III. Участие в революции, контрреволюции и правительственной деятельности (1918–1921 гг.)»³, «IV. Воспитание народа, ревизионизм, консерватизм (1921–1938 гг.)»⁴ и «V. Снова в политике (1938–1941 гг.)»⁵.

В первой главе анализируется период, который с точки зрения политической и общественной деятельности Телеки связан с поражением Австро-Венгрии в первой мировой войне, последующим становлением нового венгерского государства, с периодом буржуазно-демократической революции Каройи (Хризантемной революции), Венгерской советской республи-

³ Там же, *Forradalomban, ellenforradalomban, kormányon (1918–1921)*, s.126–204.

⁴ Там же, *Nemzetnevelés, revízió, konzervatívizmus (1921–1938)*, s. 205–345.

⁵ Там же, *Vissza a politikába (1938–1941)*, s. 367–510.

ки Бела Куна, контрреволюции, что с учетом внешнеполитической ситуации, в основном, было связано с усилиями по защите молодого венгерского государства и его территориальной целостности на Парижской мирной конференции в период, предшествующий получению Венгрией второго приглашения на эту конференцию (первое приглашение было получено в начале мая 1919 г.).

С октября 1918 г. по март 1919 г. Пал Телеки оставался в тени общественно-политических процессов. В этот период в результате Хризантемовой революции к власти в Венгрии пришло народное правительство Михая Каройи, а также 16 ноября 1918 г. была провозглашена независимая Венгерская республика, временным президентом которой после отставки своего правительства 11 января 1919 г. стал Михай Каройи, пытавшийся стабилизировать сложную внутривнутриполитическую и внешнеполитическую ситуацию Венгрии (например, путем разработки проекта автономии русинов, словаков и немцев (Оскар Яси), провозглашения земельной реформы и, главным образом, путем принятия нового избирательного закона (кстати, наиболее прогрессивного за весь период существования Венгрии между двумя мировыми войнами), целью которого было выработать временное положение о конституции). В это время в полном уединении Телеки работал над проектом карты, известной как *carte rouge*, отражавшей этническую ситуацию на территории исторической Венгрии (в границах Венгрии времен Австро-Венгерской империи). Эта карта составлялась, чтобы продемонстрировать, что, в отличие от пограничных областей исторической Венгрии, которые в основном занимает невенгерское население, на большинстве территории и в центральной части исторической Венгрии проживает венгерский этнос. Однако Телеки не был первым, кто занимался решением этого вопроса. Некоторые документы начали подготавливать еще последнее австро-венгерское правительство Шандора Векерле, но на профессиональной основе работы по подготовке к мирной конференции начались после прихода правительства Каройи в октябре 1918 г. Следует уяснить, что над составлением проектов карт и статистическими документами, аналогичными тем, о которых упоминает Аблонци и другие венгерские историки⁶, в то время работало несколько десятков картографов (почти 60), главным

---

⁶ I. Romsics, *A trianoni békeszerződés*, Osiris, Budapest 2005.

образом в сотрудничестве со следующими учреждениями: Институтом прикладных искусств (*Iparművészeti Főiskola*), Венгерским географическим обществом (*Magyar Földrajzi Társaság*), Статистическим бюро (*Sztatisztikai Hivatal*) и Министерством торговли (*Kereskedelmi Minisztérium*). В основном, значение деятельности Телеки заключалось в том, что на основании его проекта карты, представленного в Венгерском географическом обществе в январе 1919 г., было принято обращение к географическим обществам мира, которое призывало протестовать против намеченного разделения исторической территории Венгрии (времен Австро-Венгерской империи). С этого момента (с января 1919 г.) Телеки вместе с другими деятелями делает ставку на информационную компанию как внутри страны, так и за рубежом, с помощью которой Венгрия пыталась найти внешнеполитическую поддержку своих требований о сохранении территориальной целостности земель королевства Иштвана I (Святого). В декабре 1918 г., как и большинство выдающихся представителей венгерской интеллигенции, Телеки стал членом Венгерской лиги за сохранение территориальной целостности. В числе его видов деятельности перед выходом на политическую арену следует упомянуть членство в *Kölygyi Tanács* (Внешнеполитическом совете, основанном в начале марта 1919 г.), в котором он работал плечом к плечу с бывшим министром по делам национальностей правительства Каройи, председателем этого Внешнеполитического совета Оскаром Яси. Хотя Телеки постоянно оставался вне официальных структур венгерской политики, можно сказать, что в 1918–1920 гг. он был абсолютно лоялен по отношению к политическому курсу М. Каройи. В это время деятельность Телеки соответствовала внешнеполитическим целям и направлениям деятельности венгерского правительства. В 1918–1920 гг. требование о сохранении территориальной целостности было общим знаменателем всех направлений венгерской политической деятельности, и деятельность Телеки не была исключением. В драматический период 1918–1920 гг. Телеки пытался активно использовать свои зарубежные контакты: его неофициальные меморандумы о фактической ситуации в Венгрии предназначались не только для членов миссий государств-победителей на территории Венгрии, но и для политиков за рубежом (в Швейцарии, Шотландии). Например, он лично сопровождал комиссию А. Кулиджа, уполномоченного американской делегацией на Парижской мирной конферен-

ции выяснить ситуацию в Юго-Восточной Европе (комиссия побывала в Будапеште 15–20 января 1919 г.). Разумеется, подобного рода деятельностью занимался не только Телеки, поэтому на основании этого можно сказать, что в это время венгерские политические круги (особенно аристократические) не были в изоляции, наоборот, они искали пути к установлению личных внешнеполитических контактов как с государствами-победителями, так и с вновь образовавшимися государствами. В начале 1919 г. подобно Телеки действовал Миклош Банффи, еще один из трех выдающихся трансильванских графов (Банффи, Телеки, Бетлен). В начале 1919 г. Банффи отправился в пропагандистскую поездку по западной Европе, но были и другие политики, которые во многих случаях в ходе своей деятельности сотрудничали именно с Телеки. С деятельностью и усилиями Телеки в этом направлении были связаны начало и сам ход секретных французско-венгерских переговоров в начале 1920 г., в ходе которых, используя такие действенные средства, как экономические обещания представителям французских промышленных и финансовых кругов, венгры пытались изменить французский внешнеполитический курс в Центральной Европе в свою пользу. Главной причиной этих попыток было стремление изменить политику Франции в Центральной Европе, всецело ориентированную на отношения с Чехословакией, Румынией, Сербией и Польшей. Таким образом венгерская «дипломатия того времени»⁷ реагировала на кадровые перестановки и изменение концепции деятельности французской дипломатии. При этом устоявшийся внешнеполитический курс Франции в отношении Центральной Европы венгерская сторона активно пыталась переориентировать на отношения с Венгрией, Румынией и Польшей, чему и должны были способствовать крупномасштабные экономические предложения, сделанные представителям французского промышленного и банковского капитала, а также предложение использовать территорию Венгрии в качестве исходной базы для борьбы с большевизмом⁸. Прилагая усилия в этом направлении, в 1919–1920 гг. Телеки и члены венгерского политического руководства того

---

⁷ Следует уяснить, что в 1918–1920 гг. основы венгерской дипломатии только создавались. В частности, вопросам формирования венгерской внешней политики и дипломатической службы посвящены исследования венгерского историка Пала Притца.

⁸ B. Ablonczy, c. d., s. 160-161.

времени, в частности, обещали политические и территориальные уступки (поддержку плебисцита на территории западной Венгрии, Закарпатья и Баната, а также поддержку реализации автономии для венгерского и немецкого населения в Трансильвании), легко осуществимые при прямой поддержке Франции.

В этот период у Телеки также впервые проявились симпатии к Королевству сербов, хорватов и словенцев, особенно к сербам, которые ему импонировали своим героизмом; как заявлял Телеки, подобным был героизм и остальных двух народов (хорватов и словенцев). При этом в тот момент он считал «югославское» государство наиболее подходящим государственным образованием, с которым Венгрия должна поддерживать стратегическое партнерство. Эта симпатия к «югославскому государству и уважение к его населению» стали для него роковыми в первой половине 1941 г.

По требованию Михая Каройи после возникновения Венгерской советской республики Пал Телеки немедленно отправился в Швейцарию, в которой продолжил свою неофициальную дипломатическую деятельность, а в начале апреля остановился в Вене, где возник главный центр венгерской контрреволюции *Magyar Nemzeti Bizottság* (Венгерская национальная комиссия), известный в настоящее время, главным образом, как Антибольшевистский комитет. Иштван Бетлен и Телеки стали признанными вождями венгерской эмиграции, которые в интересах будущего Венгрии пытались вести переговоры с представителями французской и британской миссий в Вене по вопросам Парижской мирной конференции.

В результате постепенного упадка режима Белы Куна (который, например, уже в конце апреля 1919 г. вел переговоры о предоставлении ему, членам его семьи и сотрудникам статуса беженцев в Австрии) и наступления румынских войск в мае 1919 г. постепенно была установлена контрреволюционная власть в Араде, а в конце мая и в Сегеде, который находился под контролем французской армии и гражданской администрации. Переехав из Вены в Сегед (во второй половине мая с финансовой поддержкой, предназначенной контрреволюционному правительству в размере 3 млн. крон), Телеки впервые вступил в должность министра иностранных дел (присяга была принесена 6 мая 1919 г.). Этот пост он занимал при первом и втором правительстве Дюлы Каройи в Сегеде, а также при третьем правительстве Дежё П. Абрахама, в котором

Телеки параллельно занимал пост министра сельского хозяйства. Как написал один из эмигрантов, в это время «Сегед был пристанищем националистов-неудачников» (С. 141). И в чрезвычайной ситуации Телеки занимался обычной дипломатической деятельностью (вел переговоры с представителями миссий государств-победителей, послал особую дипломатическую миссию на Парижскую мирную конференцию, с целью убедить участников конференции в том, что будущее Венгрии за правительством в Сегеде и за его политическим курсом, пытаясь таким образом добиться его признания со стороны участников конференции, а также активно устанавливал контакты с представителями Румынии, Польши⁹ и Королевства сербов, хорватов и словенцев. В связи с этим может быть небезынтересно, что в этот период (в середине мая), когда Телеки несколько раз посещал Белград для переговоров с сербскими политическими деятелями, он также впервые тесно сотрудничал с Миклошем Хорти. При этом, по словам Аблонци, Хорти и Телеки питали друг к другу взаимную симпатию. Внешнеполитическая деятельность Телеки сочеталась с его усилиями внутри страны, в которой он пытался найти пути к переговорам с представителями Венгерской советской республики, хотя и безуспешно. При этом он постепенно стал главным идеологом политических сил в Сегеде, излагая свои взгляды о будущем устройстве Венгрии на страницах бюллетеня *Szegedi Új Nemzedék* (Новое поколение Сегеда). Как указывает Аблонци, Телеки был убежден, что причинами текущего кризиса Венгрии являются не территориальные потери и существующий большевистский режим, – эти причины лежат намного глубже. В частности, он расценивал политический либерализм М. Каройи как недостаточно националистический (позже представителей режима Каройи он называл «хладнокровными большевиками»), и поэтому считал необходимым, чтобы новое поколение было более националистическим (венгерским), заявляя, что «святым эгоизмом» необходимо удалить из венгерского общества (все «невенгерское, все, что не в состоянии или не желает стать венгерским» (С. 148). После падения Венгерской советской республики (после переезда Телеки из Сегеда в Будапешт с

---

⁹ Пал Телеки отправил в Польшу своего посла по особым поручениям Ивана Чеконича, которому удалось не только установить контакты с польскими политиками, но и достичь соглашения о транзите венгерских „националистических“ военнопленных, возвращающихся на родину из России.

остановкой в г. Шиофок) Телеки стал одним из ведущих политиков, которые в результате отставки «профсоюзного» правительства Дюлы Пейдла были приглашены для участия в переговорах с Иосифом Габсбургским (10 августа 1919 г.) и для разработки плана дальнейших действий, на основании которого формировался бы новый кабинет (был сформирован 14 августа; председателем кабинета министров стал Иштван Фридрих, бывший государственный секретарь по военным делам в правительстве М. Каройи). В этот момент Пал Телеки впервые попал не только в венгерские официальные общественно-политические структуры, но и к кормилу власти. В конце августа 1919 г. Телеки стал председателем *Keresztény Nemzeti Párt* (Христианско-национальной партии), в которой и в дальнейшем ключевую роль играл Иштван Фридрих. В основном, усилиями Телеки и Иштвана Бетлена партия пыталась создать единую христианско-национальную партию¹⁰. Это произошло в конце октября, когда возникла *Keresztény Egyesülés Nemzeti Pártja* (Партия христианско-национального единства), главным образом, благодаря помощи, оказанной британским дипломатом сэром Джорджем Клерком (более подробно см. о так называемой «миссии Клерка»), что позволило венгерским партийно-политическим силам сформировать коалиционное правительство Кароя Гусара, признанное государствами-победителями. Внутриполитическое и внешнеполитическое значение формирования этого правительства заключалось в том, что было устранено основное препятствие для приглашения венгерской делегации на Парижскую мирную конференцию. За исключением во многих отношениях скорее символической роли Альберта Аппони, решающей фигурой делегации стал Пал Телеки.

Уже в октябре 1918 г. неофициальная дипломатическая деятельность Телеки, направленная на оказание влияния на участников Парижской мирной конференции в пользу Венгрии, сочеталась с деятельностью правительства М. Каройи, усилия которого в этом направлении были прерваны установлением Венгерской советской республики. Однако деятельность Телеки по подготовке венгерских материалов для Парижской мирной конференции получила официальный статус только во времена правительства Иштвана Фридриха,

---

¹⁰ Более подробно см., например, I. Romsics, *Bethlen István*, Osiris, Budapest 2005.

когда Телеки был вызван Иосифом Габсбургским для формирования Управления (*Békeelőkészítő Iroda*)¹¹ по подготовке материалов для Парижской мирной конференции. Это управление было создано под руководством Телеки 21 августа 1919 г. Из-за постоянного присутствия румынских войск в столице, на начальном этапе сотрудники Управления должны были располагаться в нескольких местах Будапешта (в здании Министерства иностранных дел и в одном из крыльев Королевского дворца). В решении профессиональных вопросов приняли участие многие коллеги и друзья Телеки из научных кругов. С начала ноября в работе Управления также приняли участие Альберт Аппони и множество сотрудников министерств и научных учреждений. Одновременно в рамках Управления возникло и так называемое Управление Б по вопросам Трансильвании, работу которого координировал Иштван Бетлен в качестве секретного министра по делам Трансильвании¹². Как пишет Аблонци, преимущество Телеки заключалось не только в том, что на этапе подготовки (в октябре 1919 г.) в общих чертах ему были известны условия мирного договора с Венгрией, которые ему сообщил сэр Джордж Клерк, но и в том, что по содержанию других мирных договоров (заключенных с Австрией и Германией) он мог судить об основной тенденции, в соответствии с которой выдерживал содержание и форму подготавливаемых венгерских документов. Период лихорадочных приготовлений, которые поглощали все время Телеки как в профессиональном, так и в организационном плане, окончился декабрьским решением правительства Венгрии (29 декабря 1919 г.) об отправке венгерской делегации на Парижскую мирную конференцию. Одним из семи основных членов венгерской делегации на этой конференции, 5 января 1920 г. отправившихся особым поездом с Восточного вокзала в парижском направлении, был и Пал Телеки (остальные члены делегации: Альберт Аппони, Иштван Бетлен, Шандор Попович, Вилмош Лерш, Ласло Сомсих, Иван Празновски). Холодный прием делегации в Париже предшествовал всему ходу и итогам переговоров Венгрии, во время которых, несмотря на все усилия Телеки, так и не удалось получить положительный результат. У членов

---

¹¹ Управление по подготовке материалов Венгрии для Парижской мирной конференции.

¹² I. Romsics, *A trianoni békeszerződés*, s. 145.

венгерской делегации и представителей венгерского правительства условия предварительного мирного договора с Венгрией (полученные 15 января 1920 г.) вызвали полное разочарование (этому вопросу венгерское правительство посвятило заседание 21 января 1920 г.). Телеки назвал установленные границы просто нереальными. В феврале–мае 1920 г. участники Парижской мирной конференции рассматривали венгерский вопрос. Наконец, после постоянного несогласия венгров, отчаянных попыток венгерской дипломатии добиться пересмотра решений (в ходе секретных французско-венгерских переговоров) и невероятных дипломатических усилий Телеки, вступившего в должность министра иностранных дел в новом венгерском правительстве Шандора Шимони-Шемадана, 6 мая 1920 г. государства-победители предложили Венгрии окончательный текст мирного договора и *lettre d'envoi*, подписанное Миллераном, столь значимое для венгров и целенаправленное с точки зрения государств-победителей. После многочисленных протестов представители венгерской делегации 4 июня 1920 г. согласились подписать мирный договор (взяли верх прагматические соображения, главным образом необходимость экономической консолидации Венгрии), правда, без участия ведущих венгерских политиков Альберта Аппони, Иштвана Бетлена и особенно Пала Телеки, который вскоре после этого (15 июля 1920 г.) был назначен премьер-министром Венгрии.

О периоде деятельности Телеки на посту премьер-министра рассказывается в разделе Впервые на весь мир¹³. Аблонци подробно анализирует этот этап политического пути Телеки, причем указывает на то, что девятимесячное пребывание Телеки на посту премьер-министра (19.07.1920–14.04.1921), в течение которого он собирался подать в отставку не менее четырех раз и в одном случае должен был провести изменения в составе правительства (в декабре 1920 г.), в основном, было связано с деятельностью на внутриполитической арене и с таким важным шагом, как ратификация Трианонского мирного договора венгерским парламентом (15 ноября 1920 г. в Сборник законов этот договор вошел как закон № XXXIII от 26 июля 1921 г.). Главную программную цель своего правительства Телеки кратко выразил 22 июля 1919 г. в своем первом выступлении перед парламентом, анализируя теку-

---

¹³ B. Ablonczy, c. d., *Először az ország élén*, s. 169-204.

щую ситуацию и описывая задачи правительства, основанные на потребностях «жедневного прагматизма» ограничения влияния еврейского общества – в этот день член правительства Телеки, министр культов Иштван Галлер внес на рассмотрение парламента проект закона первого чтения, позднее известного как *Numerus clausus*, который после широкого обсуждения в парламенте (в июле–сентябре) был принят 22 сентября 1920 г. как статья закона XXV; завершение земельной реформы; решение вопроса о монархии). Говоря о венгерской внешней политике, Телеки выразил удовлетворение хорошим состоянием венгерско-польских отношений, но в то же время потребовал у государства, чтобы оно оказывало более действенную поддержку Польше в ее борьбе с Красной Армией¹⁴. Что касается внутривластной ситуации, венгерское общество и общественные организации (например, *Ébredő Magyarok Egyesülete* (Союз пробуждающихся венгров)) постоянно высказывали несогласие с процессом утверждения и ратификации Трианонского мирного договора, при этом в результате действий правительства и радикальных политических группировок в обществе усилились проявления антисемитизма, в результате чего в Будапеште произошло несколько случаев столкновения с полицией, что привело к жертвам среди демонстрантов.

По вышеуказанным причинам в этот период правительство Телеки оказалось в полной международной изоляции (например, Международное движение профсоюзов объявило бойкот на поставки товаров в Венгрию, хотя это и было малоэффективно). Поэтому, чтобы покончить с изоляцией, Телеки прилагал активные дипломатические усилия¹⁵. Его симпатию, проявленную в ходе выступления в парламенте по случаю вступления в должность премьер-министра, вызвала борьба поляков с Красной Армией. Как указывает Аблонци, это были не просто симпатии: во второй половине июля 1920 г. имелись реальные опасения, вызванные угрожающим приближением

---

¹⁴ Там же, s. 170.

¹⁵ Пал Телеки пытался ослабить постоянное напряжение в чехословацко-венгерских отношениях, в частности, поэтому допускал возможность проведения переговоров о пересмотре границ (С. 185). В 1920 г. осторожные дипломатические шаги привели к первым официальным чехословацко-венгерским переговорам в марте 1921 г. (14–15 марта) в Брюке. Подробное исследование чехословацко-венгерских отношений и отношений в Центральной Европе в целом в 1918–1921 гг. проведено, например, молодым чешским историком Андреем Тотом. С результатами этих исследований можно ознакомиться в специализированном журнале *Slovanský přehled*.

Красной Армии к Карпатам. Телеки считал сложившуюся ситуацию прямой угрозой Венгрии и обращал внимание государств-победителей на печальное состояние венгерской армии в случае войны с Советской Россией. В конце июля 1920 г. ситуация осложнялась тем, что, в отличие от правительства Венгрии, выдвинувшего предложения, чехословацкое правительство отказалось вмешаться в польско-советский военный конфликт. На основании анализа французских архивов Аблонци утверждает, что хотя в определенной мере французская дипломатия приветствовала военное участие Венгрии, но в конце концов предложение Венгрии отклонила. Дело в том, что Франция опасалась, что в случае согласия на венгерское военное участие в польско-советском конфликте венгерские политики могут это использовать для осуществления многократно декларированных намерений венгерских военных и политических кругов, т. е. для восстановления общей (исторической) польско-венгерской границы (проходящей в Закарпатье, т. е. по территории Чехословацкой республики, суверенного государства того времени)¹⁶. В результате желание Венгрии участвовать в этом конфликте натолкнулось на противодействие из-за политических интересов одной из главных опор французской политики в Центральной Европе, т. е. из-за внутривнутриполитических и внешнеполитических интересов Чехословацкой республики. Венгерская помощь Польше была предоставлена в виде военных поставок¹⁷.

Вследствие внутривнутриполитического обострения вопроса о монархии и особенно в результате первого возвращения венгерского короля Карла IV Габсбургского в Венгрию в марте 1921 г., в начале апреля Телеки подал в отставку с поста премьер-министра, что, по словам Аблонци, было также результатом того, что Телеки, по сравнению со следующим премьер-министром и другом Телеки Иштваном Бетленом, не хватало более глубокого знания политической тактики и особенно готовности чаще идти на компромиссы.

---

¹⁶ Более подробно по этому вопросу см. R. Pejša, *Autonomie Podkarpatské Rusi jako politicko-právní problém v prvních letech existence Československé republiky (1919-1922)*. Diplomová práce. Ústav českých dějin FF UK, Praha 2002. В частности, этому вопросу посвящен раздел указанной работы *Podkarpatská Rus na pozadí československo-maďarských vztahů (1919-1921)*, s. 24 – 35.

¹⁷ Венгрия поставила защитникам Варшавы более 58 млн. патронов, 40 млн. детонаторов, полевые кухни и прочее военное снаряжение (см. B. Ablonczy, c. d., s. 184).

1921–1941 гг.

Благодаря своей общественной деятельности после 1918 г., Пал Телеки занял прочные позиции как один из наиболее влиятельных политических деятелей Венгрии. Его политические взгляды и убеждения сохранили идеологическую преемственность и в последующий период, который он провел «вне» официальных венгерских политических структур. Четвертую и пятую главы («IV. Воспитание народа, ревизионизм, консерватизм (1921 – 1938 гг.)»¹⁸, «V. Снова в политике (1938 – 1941 гг.)»¹⁹) Аблонци снова посвящает описанию всего спектра общественной деятельности Телеки. В первую очередь, она была связана с его интересом к повторному возвышению венгерского среднего класса, который, по его мнению, должен был стать основой будущего венгерского общества (в отличие от крестьян, в духовные ценности и интеллектуальные способности которых он не верил). То есть Телеки рассматривал венгерское общество и его культуру как два полюса: первым полюсом была элитная культура города, а вторым – традиционная народная культура села. Орудием для приложения этих усилий должны были стать организация и воспитание венгерской городской молодежи (воспитание будущей христианско-национальной элиты), например, с помощью движения скаутов или в рамках образовательных учреждений, одним из которых с 1895 г. было *Eütvész Collegium*, в котором и в период между двумя мировыми войнами воспитывались представители венгерской элиты. Для этого Телеки занимался не только педагогической деятельностью на экономическом факультете государственного университета (уже 30 декабря 1919 г. приказом М. Хорти Телеки был назначен профессором этого университета), но и покровительством над почти двумя десятками организаций и объединений (например, руководил Управлением по делам беженцев. На основании постановления правительства Иштвана Бетлена 12 августа 1921 г. он был назначен директором *TESZK* (Центра общественных организаций и объединений), в чьи обязанности входило решение вопросов и координация неправительственных видов деятельности в области внешнеполитической и внутривнутриполитической пропаганды, естественно, при неглас-

---

¹⁸ Там же, *Nemzetnevelés, revízió, konzervatívizmus (1921-1938)*, s. 205-345.

¹⁹ Там же, *Vissza a politikába 1938-1941*, s. 367-510.

ном одобрении и финансовой поддержке правительства. Со временем этот орган стали называть *Teleki Iroda* (Управление Телеки)). Аблонци пишет, что в двадцатых годах именно Телеки руководил нелегальным правительственным финансированием организаций венгерских национальных меньшинств на территории государств, возникших после распада Австро-Венгерской империи²⁰. Летом 1921 г. он отправился в США с курсом лекций об истории и географии Венгрии и Карпатской котловины, о национальном вопросе Венгрии в XIX веке, а также в ходе своей американской поездки установил контакты с американским президентом США Гардингом и министром иностранных дел США Хьюзом.

В 1924 г. невероятно широкий с многих точек зрения спектр деятельности Телеки еще более расширился благодаря его активной работе в опекуновском совете, состоявшем из трех человек и учрежденном для недавно созданного Венгерского социографического института, в задачи которого входило проведение социологических и социографических исследований в Венгрии в период после подписания Трианонского мирного договора. Одновременно Телеки работал правительственным экспертом по делам национальных меньшинств, а затем правительством Бетлена был направлен за рубеж (в Лондон и Париж) для проведения неофициальных дипломатических переговоров, чтобы в перспективе смягчить жесткие условия Трианонского мирного договора. В связи с этим (так же, как и в начале научного и политического пути Телеки) его общественно-политическая деятельность (в 1927–1938 гг. он был членом верхней палаты венгерского парламента) сочетается с организационной работой, в частности, в науке. Например, в 1926 г. он стоял у истоков *Blamtudományi Intézet* (Института политических наук, который относился к Статистическому бюро), главной задачей которого был сбор и анализ информации о развитии соседних государств, возникших после первой мировой войны, главным образом, с точки зрения положения национальных меньшинств. Впоследствии эти материалы использовались Министерством иностранных дел Венгрии. В основном, в этой работе принимали участие беженцы из этих государств. Телеки стоял у истоков журнала „Nouvelle Revue de Hongrie”, предназначенного для зарубежных читателей, в

---

²⁰ Более подробно по этому вопросу см.: M. Zeidler, *A Revíziós Gondolat*, Osiris, Budapest 2001.

тридцатых годах был членом редколлегии журнала „Hungarian Quarterly“, издаваемого на английском языке, а в области венгерской публицистики сотрудничал с журналом консервативной ориентации „Magyar Szemle“, который под руководством венгерского историка Дюлы Секфю в начале тридцатых годов стал политическим рупором группы Иштвана Бетлена.

Для консервативного Телеки залогом успеха движения и идеологии ревизионизма было хорошо поставленное воспитание народа, особенно молодежи. Этой позиции он придерживался в 1921–1938 гг., когда работал в этом направлении, в том числе в рамках движения скаутов (*Cserkész mozgalom*), или занимался педагогической деятельностью. Идеологические и научные убеждения Пала Телеки об исключительности *magyarság*, а также опыт работы по построению венгерского государства и воспитанию его граждан после 1918 г. сыграли свою роль в трагическом конце политической карьеры Телеки в 1938–1941 гг.

Возвращение Телеки в область «высокой» политики происходило в период драматических событий 1938 г. Как пишет Аблонци, 14 мая Телеки был назначен министром образования и культов правительства Белы Имредя. О своем возвращении Телеки высказался в том смысле, что речь шла о чрезвычайно неожиданном и поспешном шаге, но, как указывает автор монографии, этот шаг соответствовал амбициозному характеру Телеки. По словам Аблонци, в период постепенно нарастающего европейского кризиса власти, особенно после заключения Мюнхенского соглашения, внутривластная и общественная позиция Телеки претерпела существенные изменения. Телеки был больше не нужен Венгрии как воспитатель венгерского общества – теперь он потребовался главным образом как ведущий идеолог ревизионизма, который, в конечном счете, стал бы и непосредственным исполнителем в деле пересмотра границ²¹. После 18-летнего перерыва в фев-

---

²¹ В составе венгерской делегации Телеки участвовал в чехословацко-венгерских переговорах в Комарно в октябре 1938 г., на которых венгерская сторона предъявила Чехословакии территориальные претензии. Эти переговоры, проводимые в рамках двусторонних чехословацко-венгерских консультаций, окончились провалом, завершившись лишь после принятия решения так называемого первого Венского арбитража в декабре 1938 г. (которое не удовлетворило Венгрии). Этот внешнеполитический провал правительства Белы Имредя привел к его падению и формированию нового венгерского правительства во главе с Палом Телеки в феврале 1939 г.

рале 1939 г. Телеки снова возглавил венгерское правительство. Общественное мнение было всецело на стороне Телеки, и граждане единодушно приветствовали его назначение на пост премьер-министра. В своем заявлении о программе правительства, сделанном 22 февраля 1939 г. в венгерском парламенте, Пал Телеки назвал ключевые моменты будущей политики его правительства. Во внутривнутриполитической области он прежде всего высказался за проведение земельной реформы и за принятие «второго антиеврейского закона», над проектом которого, как указывает Аблонци на основе анализа переписки Телеки, Пал Телеки работал еще на посту министра культов и просвещения. По словам Телеки, этот проект должен был стать «нашим последним сражением в войне с еврейством»²². Во внешнеполитическом плане Телеки подчеркивал значение и дружественный характер венгерско-польских отношений, тем не менее, в своей речи он подчеркнул важность отношений между Венгрией, Германией и Италией (особенно с точки зрения поддержки, которую они могут оказать территориальным претензиям Венгрии). О Б. Муссолини и А. Гитлере он даже сказал, что их имена «навечно вписаны в историю Венгрии»²³. Вскоре после этого отношения с Германией окрепли в результате присоединения Венгрии к Антикоминтерновскому пакту (24 февраля 1939 г.), что вызвало молниеносную реакцию со стороны Советского Союза, немедленно разорвавшего дипломатические отношения с Венгрией. Для Телеки нападение Германии на Польшу не было полной неожиданностью. Однако он однозначно выступил против участия Венгрии в войне против Польши, что соответствовало его неизменной

---

²² В. Ablonczy, c. d., s. 388; В конце раздела *A második zsidótörvény* (второй антиеврейский закон, s. 402-411) особо подчеркивается, что, хотя второй антиеврейский закон стал основой для дальнейших ограничений деятельности венгерских евреев (для принятия третьего антиеврейского закона с последующей депортацией евреев в 1944 г.), а Телеки был убежденным антисемитом и сторонником радикального решения еврейского вопроса, в ходе разработки закона Телеки не мог предвидеть все последствия этих законодательных норм для судеб еврейского населения. По словам Аблонци, основным мотивом антиеврейской политики Телеки, в основном, было его стремление создать чисто христианский средний класс Венгрии.

²³ Там же, c. d., s. 390.

позиции о дружественных отношениях обеих стран²⁴. На посту премьер-министра (который в 1939–1941 гг. стал для Телеки постоянным лавированием между стремлением сохранить собственный внешнеполитический курс и неуклонно растущими требованиями гитлеровской Германии), Телеки все чаще был вынужден идти на компромиссы. Из-за давления извне и постоянных проявлений депрессии жизненный путь Пала Телеки закончился личной трагедией, несмотря на реализацию его предвоенных стремлений вернуть венгерские территории (южную часть Словакии, Закарпатье, Трансильванию). Между вторым часом и половиной третьего утра 3 апреля 1941 г. премьер-министр Венгрии Пал Телеки совершил самоубийство (застрелился). При этом он оставил два прощальных письма, адресованные М. Хорти. В одном из них он писал, что в случае неудачной попытки самоубийства он немедленно подает в отставку с поста премьер-министра. В тот же день новым премьер-министром Венгрии Миклош Хорти назначил Ласло Бардошши. Однако трагедия Телеки не стала лишь его личной трагедией – внешняя политика правительства Телеки, проводимая в 1939–1945 гг., в 1945 г. завершилась полным провалом ревизионистского курса, которого придерживалась Венгрия в период между двумя мировыми войнами. Через четыре дня после похорон Пала Телеки, 11 апреля 1941 г., Венгрия вступила во вторую мировую войну на основании его распоряжений, атаковав народы Югославии, которыми он так восхищался...

Во многих отношениях способ, использованный Балажом Аблонци для написания монографии о Пале Телеки, в первую очередь, означает для историка получение объективной информации для знакомства с духовной, политической и

---

²⁴ После нападения Германии на Польшу Венгрия стала страной, которую захлестнула волна беженцев. Как пишет Аблонци, в сентябре 1939 г. – весной 1940 г. на территории Венгрии численность беженцев из Польши составляла 40–100 тыс. чел. При этом в качестве помощи польским беженцам венгерское правительство выделило 5 млн. пенгё. Другой небезынтересный факт: вплоть до июля 1940 г. на территории Венгрии работали посольство и консульство Польши в Будапеште, а также консульство в Ужгороде. При этом в Венгрии была польская гимназия в Балатонбогларе, в то время единственное среднее учебное заведение с польским языком обучения на европейской территории, оккупированной Германией. В заключение автор приводит информацию, хотя и не подтвержденную специальной литературой (но и не опровергнутую до сих пор), о том, что в помощь сражающейся Польше Телеки направил целый легион. (B. Ablonczy, c. d., s. 430-431).

Роберт Пейша

научной обстановкой венгерского общества XIX века и первых десятилетий XX столетия. Кроме того, это обзорная экскурсия по истории Венгрии после подписания Трианонского мирного договора, в которой выделяется цельная и во многих отношениях исключительная фигура Пала Телеки – аристократа, ученого, организатора, юриста, политика и особенно национального идеолога, столь необходимого венгерскому обществу и смягчавшего удары исторической судьбы, которые оно получило после распада Австро-Венгрии.

Роберт Пейша